

Моск. новости. - 1994 - 13-20 апр. - с. 28

ТЕАТР

Команда победителей

Этой весной Театр-студия
под руководством
Олега Табакова

отмечает свое десятилетие.

себя наиболее открыто в предлагаемых обстоятельствах. И если в процессе показа выяснялось, например, что студент склонен к воровству, это было ужасно с точки зрения морали, но прекрасно с точки зрения актерского мастерства. Только авторитет Табакова сдерживал наших экзаменаторов от оскорблений в наш адрес, так это тогда шокировало. А на том первом курсе учились, между прочим, Елена Майорова, Василий Мищенко, Сергей Газаров...

— Почему именно «Табакерка» дала в последнее время столько звезд?

Его молодая труппа не только собрала сегодня едва ли не все «Ники» и «Хрустальные Турандоты» («Маска» в этот список не входит, отчего хуже только ей), но и исправно поставляет Москве самые сильные театральные впечатления: от скандала («Трехгрошовая опера» Владимира Машкова) до общепризнанного успеха «Последних». О том, как начиналась «Табакерка», обозреватель «МН» Нина АГИШЕВА расспрашивает артиста и художественного руководителя театра «Сатирикон» Константина РАЙКИНА.

— На самом деле им гораздо больше лет, потому что только мое участие в табаковской команде прервалось еще в 1980 году. Мы с Авангардом Леонтьевым и Валерием Фокиным тогда даже специально поступили в аспирантуру ГИТИСа, чтобы иметь право преподавать на курсе Табакова, который он сам набрал, как известно, из зеленых школьников. Параллельно с учебой выходили спектакли в подвале на улице Чапыгина: «С весной я вернусь к тебе» Фокина, «Страсти по Варваре» Табакова.

— Когда вы поверили в педагогический талант Олега Павловича?

— Мы с ним десять лет просидели в одной примерке в «Современнике»: он всегда окружал себя людьми другого поколения, видимо, видел в нас большую строительную силу, нежели в сверстниках. Табаков — явный лидер, это не всем по душе, а нам, новичкам, делить с ним было нечего. Мы тогда очень тесно друг с другом существовали...

— Новое театральное дело в моем представлении — это новая творческая идея. Была она?

— Я не умею декларировать творческие идеи и не верю в театральные манифесты. Это скорее вопрос схожих ощущений. Родилась студия как полемика с «Современником», который тогда был вполне мощным театром, однако хотелось чего-то другого, нового. Было ли словесное выражение идеи? Табаков прекрасно формулирует, но под тем, что он тогда говорил, думаю, подписалась бы и Галина Волчек. В конце концов все всегда хотят «синтетического» актера...

— Тем не менее такой пластики, как в вашем и Андрея Дроздина спектакле «Маугли», не было в то время нигде.

— Новизна проявлялась не там, где ее ждали: в ГИТИСе, например, нашу методику обучения все принимали в штыки и заступались за нас только ныне покойные Владимир Наумович Левертон да Андрей Алексеевич Попов. Тогда студенческие этюды задолго готовились, юноши и девушки изображали любовь в духе кинофильмов молодости своих учителей: что-то напевали, моя стекла, и так далее. Мы же настаивали на полной импровизации: студенты тянули билеты и должны были раскрыть

— А почему вы все-таки расстались со студией?

— Благодаря «Современнику» и табаковской студии я вдруг стал понимать, чего хочется мне самому. Понял, что театра, о котором я мечтаю, нет в природе и, наверное, его надо попытаться создать.

— Не связан ли необычайный зрительский успех их спектаклей с тем, что зал на Чапыгина очень и очень мал?

— Нет, не думаю. Кстати, не так давно Табаков, смеясь, предложил мне создать «Ассоциацию посещаемых театров». Я ответил: «Мой аншлаг дороже, чем ваш, у вас — сто мест, у меня — тысяча». Ну а если серьезно, то после «Смертельного номера» Машкова, «Последних» Шапиро и «Анекдотов» Фокина я понял, что его театр качественно изменился, стал совершенно новым явлением в московской сценической жизни. Старое помещение им тесно, они нуждаются в большой сцене. Не зря и Машков прорвался ко мне с «Трехгрошовой»: я просто хитро воспользовался тем, что ему захотелось расправить плечи.

— Табаков видел «Трехгрошовую оперу» и вас в роли Мэкки-ножа?

— Нет. Я его очень люблю, но он для меня очень сложный зритель, я зажимаюсь при нем. Олег Павлович в свое время по-доброму отговаривал меня от целого ряда ролей, которые стали потом принципиальными. Он считает, что мой удел — роли сменные и характерные: всякие наскомые, карлики, уродцы — словом, все в рамках передачи «В мире животных», этаким артист-анималист.

— Легче или труднее сегодня руководить театром?

— Сегодня появился большой выбор развлечений, каких раньше не было, что поставило сцену в менее выгодные условия. Но и в театре стало интереснее работать: надо вертеться, чтобы вы-

жить, а к этому не все готовы. Лично я в таких обстоятельствах чувствую себя прекрасно, потому что люблю жить на пределе и хочу побеждать. Хотя знаю, что сам буду побежден кем-то, и считаю это абсолютно нормальным. Нельзя кризис своего театрального дома считать кризисом жанра, что сейчас повсеместно происходит.

Каждый год смотрю дипломные спектакли и вижу, как важно выпускать курс-команду, но еще важнее — научить ее побеждать. Конечно, эта команда в большинстве случаев временная, они разбегаются, но их либо научат быть первыми, либо нет. Команда победителей — даже необязательно команда звезд, но у них всегда есть общий волевой импульс, мускул, обеспечивающий успех. Они не вялые, тепличные растения, которые просто не выжили в нынешней реальности. Табаков умеет воспитывать победителей на все времена, и это главный его секрет.

Олег Табаков и его команда

— Конечно, это заслуга Табакова. Помимо того, что он выдающийся артист, он еще и замечательный администратор, который умеет так организовать пространство вокруг себя и вокруг того, что он задумал, что возникает ощущение: все, что находится вне этого, вообще не представляет интереса. На сегодняшний день он собрал лучшую труппу в стране — во всяком случае, в мужской ее части. Только на Миронове и Машкова можно строить весь мировой репертуар: Мышкин и Рогожин, Отелло и Яго, Хлестаков и Городничий... А ведь Машкова именно Табаков разглядел: взял его после того, как Машкова за драку выгнали из Школы-студии МХАТа, поверил в него. Большинство наших театральных деятелей, в том числе и критиков, хорошее от прошлого без наводки не отличают. Это особый дар — рассмотреть Артиста. В то же время Табаков — непростой педагог. Он учеников очень любит, балует, даже портит.